

УДК 82.09.-95

Филологические науки

В данной статье на материале творчества Г. И. Успенского, В. А. Слепцова, П. Д. Боборыкина мы попытались представить взгляд В. П. Буренина на беллетристику 70-90-х годов XIX столетия. Цель исследования – выявить особенности подхода критика к современным беллетристам, проанализировать функции полемики. Полученные результаты позволяют сделать выводы, что важной для пропаганды взглядов Буренина-критика на беллетристику стала полемика, которая используется как средство в завоевании читателя, как возможность представить несколько точек зрения.

Ключевые слова и фразы: беллетристика; полемическое мастерство; полемические приёмы; литературный оппонент; фельетон; стратегия литературного поведения.

Шабалина Надежда Николаевна

Елабужский институт Казанского (Приволжского) федерального университета

nadezhada_85@mail.ru

ПОЛЕМИКА КАК СРЕДСТВО ПРОПАГАНДЫ ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ В. П. БУРЕНИНА (НА МАТЕРИАЛЕ БЕЛЛЕТРИСТИКИ 70-90-Х ГОДОВ XIX ВЕКА)©

Более чем за полувековую критическую деятельность (1860-1917 гг.) круг людей, с которыми В. П. Буренина сводила судьба, весьма обширен и разнообразен: есть такие известные имена как Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, А. А. Фет, и не очень – В. О. Михневич

(«Всега понемножку» (1875 г.), «Романы кухарки и камелии» (1880 г.), «Наши знакомые» (1894 г.)), О. К. Нотович («Немножко философии» (1886 г.), «Любовь и красота» (1887 г.)), В. Д. Спасович («За много лет» (1879 г.)) и т.д. Существует версия, что, как правило, между «нововременским» критиком и прозаиками, писателями и редакторами складывались весьма непростые, неприязненные отношения. На наш взгляд, такая точка зрения однобока: если детально рассмотреть все перипетии взаимоотношений Буренина с современниками, то можно заключить, что со всеми будущими оппонентами у критика первоначально складывались неплохие, дружеские отношения (Н. К. Михайловский, М. Е. Салтыков-Щедрин, М. М. Стасюлевич (редактор журнала «Вестник Европы» и с 1881 года газеты «Порядок»), А. П. Чехов и т.д.). Очень интересна в данном контексте история отношений Буренина с А. Л. Волынским («один из первых представителей религиозно-философской критики... Главный вклад в литературную критику – книга “Достоевский”, которая уникальна и значима»), деятельность которого «нововременский» критик пытался всячески дискредитировать, в том числе используя нападки на личность: национальность [4, с. 45]. Волынский же, напротив, не перенёс профессиональную неприязнь в личную сферу и помог Буренину в трудные годы его жизни (после 1917 г.). Другие литераторы, как правило, вступали в ожесточенную полемику с ним, что приводило к разрыву и неприятию литературно-критической деятельности Буренина. Никто не желал быть обязанным человеку, творчество которого ассоциируется лишь с руганью, высмеиванием и оскорблениями.

В конце 70-х годов XIX века, когда Буренин регулярно начинает участвовать в критике и оценке творческой деятельности молодых беллетристов, и за критиком, и за писателями в истории литературы уже закрепились устойчивые репутации. Буренин в глазах современников (и последующих поколений) – бесцеремонный, беспринципный циник. Так, Н. Н. Страхов в «Письме в редакцию “Зари”» под заглавием «Новый вздох на гробе Карамзина» характеризует манеру Буренина излагать свои

мысли следующим образом: «...он никогда не упускает из виду своих ролей и, мне кажется, ни одной строчки не пишет без заднего намерения... он смотрит на слова, мысли и чувства, как на орудия, имеющие цену... Когда же другие орудия окажутся лучше и надежнее, он тотчас бросает логику, пренебрегает слогом, откидывает, как помеху, добродетельные чувства и действует уже, не стесняясь ими. Два главных средства у г. Буренина: искажение и умолчание. При помощи этих средств он может выйти сухим из воды и устоять против какого угодно противника... Мастерство неподражаемое! Выхватить, оборвать фразу, поставить рядом то, что у автора стоит в разных местах, выпустить запятую, заменить, как бы по ошибке, одно слово другим – вот легкие, незаметные для публики средства, которыми г. Буренин пользуется уже многие годы... Но еще восхитительнее та метода умолчаний, которую постоянно употребляет г. Буренин... Выругать и однако же не сказать за что, писать так, чтобы публика и не догадывалась, что и как говорит противник, – вот высшее мастерство г. Буренина» [10, с. 231-241].

Все знали об этой стороне литературной физиономии критика, поэтому редко стремились свести с ним более близкое знакомство, заручиться поддержкой, к его замечаниям относились скептически, не желая вступать в опасные дискуссии.

Высказывания Буренина о беллетристах многочисленны, например, Г. И. Успенскому посвящены несколько фельетонов в газете «Новое время» за 1877 г., 1878 г., 1879 г., более систематично критик обращается к творчеству писателя в 1884 г., когда на страницах «Нового времени» (с 17 февраля по 23 марта) появилась статья «Беллетрист 60-х годов», а вслед за ней – «Еще раз о Г. Успенском. Нечто вроде критического эпилога» [2, с. 295, 385]. Однако его оценки творчества молодых писателей до парадоксальности разнохарактерны: от самых заинтересованных и благожелательных, до резко негативных. Все это обуславливает наш интерес к отношениям писателей и критика, так как в данной статье, на материале их творчества, мы хотим представить точку зрения

Буренина на современную беллетристику, а также выявить роль и функции полемики в его статьях.

Внимание «нововременского» критика к беллетристике постоянно – эта проблема красной нитью проходит через всю литературно-критическую деятельность Буренина. К концу 70-х годов XIX столетия у него окончательно оформляется теория о «“среднем таланте” – писатели, сознание и жизненный опыт которых близок к опыту обывателя», однако именно они могут «направить его духовные запросы в реальное русло, на малые дела без претензии на максимальные цели» [6, с. 113]. Их творчество ориентировано на читателей среднего интеллектуального уровня, поэтому способно воспитать сознательного обывателя. В связи с этим в статьях Буренина всегда дан обстоятельный критический разбор всех новинок отечественной беллетристики, которой он «за единичными исключениями» отказывал в литературных достоинствах и в знании жизни. В то же время, Буренин считает, что большое количество создаваемой «нелепицы» появляется лишь из-за излишнего интереса к вопросам народного быта: «Нечего вам обижаться и огорчаться тем, что порой лубочная живопись невежд и бездарностей отдает такую грубостью...» [1, с. 315]. Парадокс ситуации заключается в том, что настоящими современными художниками считают только «кошмарных беллетристов» [Там же].

В поле зрения Буренина-критика попадает не только творчество Г. И. Успенского, но и А. А. Потехина, Ф. М. Решетникова, В. А. Слепцова и т.д. Отношение к ним в этот период очень ярко представлено в письме И. С. Тургенева к Я. П. Полонскому: «Способности нельзя отрицать во всех этих Слепцовых, Решетниковых, Успенских и т.д. – но где, же вымысел, сила воображения, выдумка где? Они ничего выдумать не могут – и, пожалуй, радуются этому: эдак мы, полагают они, ближе к правде, правда воздух – без которого дышать нельзя, но художество – растёт иногда довольно причудливое... А эти господа – бессемянники и посеять ничего не могут» [8, с. 129]. Буренин, с одной стороны, приветствует в их

произведениях доступность, отсутствие излишней философичности, стремление живописать правду жизни, с другой – подмечает неумение глубоко проанализировать явления жизни, скуку и затянутость в изложении.

В разговоре с публикой о современных беллетристах важную роль в критике Буренина выполняет дискуссия, с помощью которой можно представить разные точки зрения на одну и ту же проблему. Адресат полемики – автор-художник. Как отмечает А. М. Штейнгольд, «отношения партнёров в полемическом диалоге наиболее просты: их основание – некое “равенство прав” обеих сторон в суждениях об искусстве и жизни... Характер общения с коллегами-критиками обуславливается лишь остротой несогласий и степенью соблюдения “правил вежливости” в прямом споре с противником» [12, с. 65]. Иное дело – дискуссия критика с писателем, так как это уже не только разговор о принципиально разных позициях, но и о достоинствах и недостатках произведения, о творческой манере писателя, который после спора мог быть «уничтожен» как творец.

Рассмотрим подробно такой спор на примере анализа повести г. Слепцова, где от общих рассуждений Буренин переходит к частному факту: «Колодезь, из которого мы почерпнём на этот раз, будет русская литература. *Этот колодезь, надо сознаться, стал вообще довольно мутен в последнее время*» [3, с. 1]. Возникает важный тезис спора – отсутствие таланта у «молодых» писателей. Далее он иллюстрируется конкретным примером. Полемика давала критику возможность излагать своё кредо, высказывать существенные суждения, используя целый ряд выразительных средств. В данной статье Буренин иносказательно подготавливает читательскую аудиторию к верному восприятию представленной информации: «Опустим же наш стакан и уловим в него повесть г. Слепцова “Трудное время” и займёмся её рассмотрением на свете и пробой на вкус» [Там же]. Точка зрения фельетониста находит

отражение, во-первых, в сопоставительном анализе, во-вторых, в перечислении тех обязательных качеств, которые необходимы автору для создания талантливого произведения: глубина взгляда на «явления жизни», сознательная любовь «к тому, что человек считает идеалом блага и истины» и ради этого умеет отрицать всё ложное с помощью юмора. Оценивая события, критик то и дело наталкивает читателей на аналогии с близкими фактами и явлениями, которые входят в состав системы аргументов, и подготавливает авторский вывод: «Беллетристы 40-х годов касались в своих произведениях преимущественно эстетических и психологических вопросов, в которых компетентность их поддерживалась довольно обстоятельными сведениями. А современные авторы пишут с плеча и затрагивают явления и вопросы, о разработке которых... и понятия не имеют» [Там же].

Позже фельетонист переходит к анализу повести В. А. Слепцова «Трудное время», которая вызвала широкий резонанс. Д. И. Писарев откликнулся на нее обширной статьей «Подрастающая гуманность», где она была названа «замечательной», и особенно критик уделил внимание развенчанию либеральной политической программы, обнаружившейся в типе Щетинина [9, с. 215-253]. Буренин же резюмирует: «героя Слепцов уподобляет образцу нигилистических героев», но писателю не хватает умения представить его сатирически. Автор упрекает беллетриста и за «слишком сухое и отрывочное» описание русского крестьянина [3, с. 2]. Слепцов не вступает с критиком в активную борьбу, поэтому спор лишен ответных реплик и нацелен целиком и полностью не столько на развенчание репутации писателя, сколько на реакцию читателя: «полемика обладает особой диалогичностью, когда ответные реакции адресата запрограммированы и предполагаются в высказывании» [5, с. 34].

М. В. Ерохина отмечает: «полемика как составляющая литературно-критического текста даёт возможность критикам бесконечно варьировать свою мысль и обыгрывать её» [Там же, с. 32]. На протяжении всего фельетона Буренин не отступает от своего первоначального тезиса, не впадает в

демагогию, поэтому на всех этапах дискуссии он развивает одну и ту же мысль, вскрывает лишь суть самой проблемы: «будущее их (молодых писателей) зависит вполне от того, в какой мере они позаботятся о своём развитии» [3, с. 2]. Спор Буренина в этом случае имеет некое созидательное начало: здесь заметно стремление критика содействовать процветанию современной беллетристики. Однако в то же время происходит своеобразное навязывание позиции как единственной и непререкаемой истины, и именно полемическая форма помогает фельетонисту увлечь за собой читателя, довести до аудитории нужную, по мнению критика, информацию.

Для любой полемики характерна «очередность выступлений спорящих; наличие определённых риторических приёмов, с помощью которых опровергается противная сторона и обосновывается собственная точка зрения» [5, с. 30]. Наиболее подробно рассмотрим это на примере полемики между В. П. Бурениным и Г. И. Успенским. Особенности данного спора являются идеологизированность (по мнению «нововременского» критика, Успенский убивает свой талант, когда пишет произведения, подчиняясь либеральной тенденциозности журнала), «открытость границ» (возможность участвовать в дискуссии любого заинтересованного литератора).

В нескольких фельетонах газеты «Новое время» от 1884 года Буренин помещает статью «Беллетрист 60-х годов», где он через полемику с редакционным кружком журнала «Отечественные записки» пытается выявить причину неудач «молодого» писателя Успенского: «Г. Успенский... не числится в категории столпов издания... и рядом с г. Салтыковым стоит не он, а гг. Елисеев и Михайловский. Названные два публициста разделяют все выгоды основных подпор журнала» [2, с. 295]. Желая проанализировать успехи Успенского-беллетриста, критик все же стремится «поразить» редактора «Отечественных записок». По причине давней вражды, обострившейся в 1872 году, Буренин практически всегда использует возможность свести счеты с литературным оппонентом. Так, например, в статье «г. Михайловский и г. Боборыкин», размышляя о произведениях писателя, он пишет следующее:

«Болтовня эта сфабрикована не каким-нибудь насекомым мелкой газетенки, а критиком “Зари”, который подписался “Пастор”, но в котором, однако же можно узнать по некоторым аллюрам г. Михайловского», «По литературному трудолюбию и усердию он, конечно, не ниже г. Михайловского, а по литературному таланту, пожалуй даже и по выше», «...высота пьедестала литературного величия г Михайловского измеряется... двумя вершками» [1, с. 268, 275, 277]. Это один из постоянно встречающихся у Буренина приемов полемического «боя».

Публичный же отзыв об Успенском отличался взвешенностью и был в целом позитивным: «Лично я ценю талант г. Успенского и в известной мере признаю *довольно* крупное значение этого таланта в современной беллетристике» [2, с. 387]. Хотя и у Михайловского отголоском слышатся цитаты из статьи Буренина об Успенском, правда, личность писателя представлена в ином ключе: «Кроме *огромного* и вполне *оригинального таланта*, который общепризнан, он мил и дорог своему читателю» [7, с. 175]. Вот Буренин вновь развенчивает оппонента: критика должна «судить о писателе не преувеличивая размера его заслуг и не ставя его, по соображениям личным или партийным выше или ниже того, что он есть на самом деле» [2, с. 389]. Буренин стремится указать на предвзятость мнения своего литературного противника, его излишнюю благосклонность, поэтому в своей статье кратко указал на дарование писателя, правда, назвав его «скромным» и «недоразвитым» талантом.

Неоднозначно, опять же в пику редактору «Отечественных записок», оценил «политику» издания: «г. Успенский... до сих пор принужден писать в неприятных для беллетриста условиях, до сих пор принужден насиловать своё дарование спешной работой» [Там же, с. 296]. Данный выпад, кстати, вновь подготовлен высказываниями Михайловского, у которого можно прочесть: «десятки лет Успенский работал, в настоящем высоком и вместе с тем тяжелом смысле этого слова» [7, с. 173]. Цель, которую преследовал Буренин, – обвинить ведущих сотрудников издания в «капральстве», причем «...капралом

бывает не тот, кто имеет действительное право на капральство, а тот, «кто раньше встал» [2, с. 295]. Также здесь проявляется свойственная для «нововременского» критика стратегия литературного боя, когда он абсолютно беззастенчиво выворачивает наизнанку слова и мысли других, добиваясь необходимого эффекта (именно эту черту подчеркивал и Н. Н. Страхов).

Сходные мысли у критиков и по поводу манеры письма Успенского: «Тут много недоделанного, недочетов, оборванного» (Н. К. Михайловский), «...до сих пор он не создал ни одной крупной и вполне художественной, вполне законченной вещи» (В. П. Буренин) [Там же, с. 398]. Не остается сомнения в том, что Буренин досконально знаком с высказываниями редактора «Отечественных записок», которые обширно представлены в его статьях, этого нельзя сказать о творчестве Успенского, так как глубокого анализа не представлено.

Как видим, и Буренин, и Михайловский, исходя из противоположных принципов, испытывая профессиональную (вовсе не личную, хотя для Буренина-критика свойственны нападки на сферу жизни, выходящую за пределы деловой) неприязнь друг к другу, делали сходные выводы: оба считали Успенского в меру талантливым и оригинальным писателем, основной темой творчества которого является жизнь народа, но относились к этому факту, естественно, в зависимости от своего мировоззрения.

На статью Буренина «Беллетрист 60-х годов» не последовало жесткого публичного ответа, но в личной переписке с Михайловским Успенский выразил свою позицию по отношению к тому, как была представлена «жизнь» в редакции журнала: «Это неверно. Если мне удалось благополучно перенести невзгоды писательского существования, бывшие столь обычными во времена старых журнальных отношений, то я обязан этим исключительно “Отечественным запискам”», «Неосновательно заключение г. Буренина и относительно “капральства”, которым, по его мнению, должен бы пользоваться я... Кроме того, оно предполагает известные способности – навык к

редакционной работе, умение разбираться в текущих журнальных материалах, готовность жертвовать для этого временем, дорогим лично *для себя*. Эти способности и определили “категорию столпов издания”» [11, с. 338-339]. Ни словом не обмолвившись о данных Бурениным ему самому оценках, Успенский сразу же выступает как защитник сложившейся в редакции системы взаимоотношений. Таким образом, в данной полемике мы не наблюдаем непримиримой вражды с установкой на победу над соперником «любой ценой», так как реализуется исключительно конфронтационная стратегия.

Инициаторами развития взаимоотношений между критиком и писателем по иному сценарию стал Буренин. Вскоре он возвращается к его творчеству в статье «Ещё о Г. Успенском», где дает достаточно резкую характеристику, изобличая взгляды «Вестника Европы»: «Соглашаясь условно на “высокую оценку” гения Г. Успенского, соглашаясь на признание равенства с Толстым в недалёком будущем, попробуем сделать некоторые замечания» [2, с. 387]. Уже заголовок свидетельствовал о доминировании в выступлении полемической тенденции и желании установить справедливость. Критик пишет: «один из даровитых и характернейших авторов», однако сравнивать его с Толстым и неправоммерно, и «неумно» [Там же, с. 389]. Мишенью для иронии фельетониста стал не столько Успенский, сколько распространённое о нём мнение в критике, противопоставленное его точке зрения: «Единственное впечатление, которое возбуждает во мне подобные рассказы г. Успенского, – это впечатление жалости» [Там же, с. 398]. В результате упрощенная в передаче Буренина позиция современных публицистов оказывается легко уязвимой.

Итак, сопоставление высказываний литературных противников показывает, что Буренин не захотел придерживаться диалоговой стратегии в полемике, так как это предполагает как минимум анализ и оценку позиции оппонента в ее реальном масштабе и аргументированное оспаривание действительных высказываний оппонента, а не своего вольного их изложения. Критик позволил себе довольно явную необъективность и предвзятость, очевидно, ставя превыше всего не цель продвигаться в поисках истины вперед

совместно с оппонентом, а цель дискредитировать «чужую» и утвердить «свою» позицию.

Таким образом, на протяжении всей литературно-критической деятельности он позиционировал себя как сторонник очень острой, допускающей «резкости» журнальной полемики, поэтому стратегия поведения отличается агрессивной инициативой, навязыванием своего сценария обсуждения темы, стремлением одержать победу над противником, желанием сократить дистанцию между собой и читателем. Полемика позволяла критику высказывать свое мнение ярко и броско, аргументацией позиции служила реакция литературных антагонистов, в то же время именно спор позволял рассмотреть проблему всесторонне и привлечь к ней внимание читающей аудитории.

Список литературы

1. **Буренин В. П.** Критические очерки и памфлеты В. Буренина. СПб.: Издание А. С. Суворина, 1884. 319 с.
2. **Буренин В. П.** Критические этюды В. Буренина. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1888. 398 с.
3. **Буренин В. П.** Литературные и журнальные заметки // Санкт-Петербургские ведомости. 1865. № 244. С. 1-2.
4. **Быков А. В.** Образ Кириллова в интерпретации А. Л. Волынского (из истории восприятия романа Ф. М. Достоевского «Бесы») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). С. 45-48.
5. **Ерохина М. В.** Приемы и функции полемики в журнальной литературной критике второй половины 1980-х годов: дисс. ... канд. филол. наук. Саратов: Саратовский госуд. ун-т, 2010. С. 10-35.
6. **Игнатова И. Б.** Литературно-критическая деятельность В. П. Буренина: генезис, эволюция критического метода: дисс. ... канд. филол. наук. М.: Московский педагогический госуд. ун-т, 2010. 339 с.

7. **Михайловский Н. К.** Последние сочинения. СПб.: Издание журнала «Русское богатство», 1905. Т. 2. 1001 с.

8. **Первое собрание писем И. С. Тургенева 1840-1883.** СПб.: Издание Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, 1884. 573 с.

9. **Писарев Д. И.** Полн. собр. соч.: в 6-ти т. Изд-е 4-е. СПб.: Ф. Павленкова, 1904. Т. 5. 288 с.

10. **Страхов Н. Н.** Критические статьи. Киев: Издание И. П. Матченко, 1902. Т. 2. 1861-1894. 434 с.

11. **Успенский Г. И.** Собр. соч.: в 9-ти т. М.: Художественная литература, 1957. Т. 9. Статьи и письма. 824 с.

12. **Штейнгольд А. М.** Анатомия литературной критики (Природа. Структура. Поэтика). СПб.: Дмитрий Буланин; Наука РАН, 2003. 201 с.